

АНТИОРДЫНСКИЕ АКЦИИ РУСИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIV в.¹

В последние десятилетия появилось немало работ о периоде «ордынского плена» (XIII–XIV в.), рассматривающих различные аспекты ментальности русских того времени: как они интерпретировали с христианской точки зрения ту реальность, в которой были вынуждены жить после Батыева завоевания [Лаушкин, 2001; Лаушкин, 2002], каковы были ожидания и опасения относительно их ближайшего будущего под властью Орды [Горский, 2014]. При этом зачастую в тени остается истолкование летописных нарративов с точки зрения побудительных мотивов, устремлений, владевших русскими князьями и горожанами в моменты разного рода антиордынских акций неповиновения.

Представляется, что эти вопросы нуждаются в новом рассмотрении, ибо кроме историософских осмыслений и установок (в частности, «идеологии выживания»), политических расчетов есть еще реальная практика — исторические факты, которые дают возможность говорить и о других установках: внутренней готовности предпринять действия по устранению тяжкого иноземного гнета.

В период от взятия Батыем Киева в 1240 г. и до конца первой трети XIV в. фиксируется ряд заметных антиордынских акций. Эти акции рассматривались в научной литературе — в различных аспектах — как отдельные исторические события, часть политической ситуации, в совокупности — как народные движения [Тихомиров; Насонов].

Какие же акции могут быть рассмотрены в этом качестве?

Неврюева рать пришла на Русь в 1252 г. Это была карательная экспедиция, отправленная Батыем под командованием эмира Неврюя против князя Андрея Ярославича. Как полагает А. А. Горский, он в отличие от других князей не поехал к Батыю, о чем говорит летописец: «здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити», отказавшись повиноваться хану. Подробно объяснять причины не входило в задачи исследователя, он лишь заметил, что Андрей решил не ездить, не рассчитывая «на удачный исход поездки из-за благосклонности, проявленной к нему в 1249 г. правительством ныне свергнутой и умерщвленной великой ханши» [Горский, 2001, с. 60].

Иное объяснение поведению Андрея Ярославича предложил Р. П. Храпачевский, приведя доводы в пользу того, что поступки князя могли быть вызваны планируемой переписью, объявленной ханом Менгу (а, возможно, до него и Гуюком) [Храпачевский]. Русский князь предписание не выполнил и предпочел бежать. Тем не менее соотнесение материала китайских источников и русских не свободно от противоречий, и вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Как бы то ни было, но просто не поехать — в качестве обдуманного поступка — выглядит не очень убедительно. Естественно предположить, что отказ от поездки — лишь часть некоего плана или стратегии. Имеющиеся источники не дают представления о порядке событий. Текст соответствующего известия Лаврентьевской летописи невелик, подробности скрыты от нас: «здума Андрѣи кня³ Йрослави⁴ . с своими боары . бѣгати нежели цѣрмъ служити . и побѣже на | невѣдому землю . со кнагынею своею . и с боары своими . и погнаша Татарове в слѣдъ него . и постигоша и оу города Переяслава . Бѣ же схрани и и млтва его шѣа . Татарове же россунушаса по земли . и кнагыню Йрославаю гаша и дѣти изымаша . и воєводу Жидослава ту оубиша . и кнаг[ын]ю оубиша . и дѣти Йрослави в полонъ послаша . и людии бе-щисла поведоша . до конь . и скота . и много зла створше ѿидоша»².

¹ Статья по докладу на VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси».

² ПСРА. Л., 1926–1928. Т. 1. Вып. 1–3. Стб. 473.

Как можно видеть, дважды говорится о том, что князь Андрей действует с боярами. Этот повтор можно отнести на счет некоторой неупорядоченности текста³, но можно в нем видеть и сознательное подчеркивание рассказчиком того, что это были целенаправленные продуманные действия, вызвавшие столь же целенаправленные преследования, от которых особенно сильно пострадал брат Андрея Ярослав и переяславцы.

Сообщение же о пострадавших членах семьи Ярослава Ярославича говорит о том, что в глазах татар он также был виновен, поддержал брата — но в чем? Не в бегстве же. Стало быть, были предприняты какие-то действия. А упоминание воеводы уже заставляет думать и о каком-то военном противостоянии — реальном или ожидаемом.

Как отмечалось, летопись говорит об этих событиях скупо и практически без оценок, но замечает, что, хотя татары и настигли князя, «Бѣ же схрани и и мѣтва юго шѣа». Использование подобной летописной формулы говорит о том, что действия Андрея вызывают у летописца сочувствие.

В 1258 г. монгольские представители в сопровождении русских князей, Александра и Андрея Ярославичей, а также Бориса Васильковича Ростовского пришли в Новгород и стали просить «десятины тамгы» (см. об этом: [Горский, 2014, с. 72–73]). Новгородцы «не яшася на то», предпочтя откупиться дарами. В следующем году монгольские переписчики снова пришли в Новгород, уже основательно, «с женами своими, и инѣхъ много»⁴. Это вызвало значительные антиордынские волнения и раскол в новгородском обществе. Переписчики «боялись смерти» и были вынуждены просить у Александра Невского «сторожей». Князь велел «стеречи их сыну посадничю и всѣм дѣтемъ боярьскимъ по ночемъ»⁵. Летописец явно на стороне тех, кто готов был умереть «честно за святую Софью и за дома ангельския». Татары же награждаются в НИ нелицеприятными эпитетами: «оканнии, сыроядци». Настроения в Новгороде были таковы, что, как явствует из летописи, и со сторожами татарские численники не чувствовали себя в безопасности и были готовы бежать прочь, если им «дадут число». При этом летописец добавляет, что они хотят оставить Новгород, «гонимы Святимъ Духомъ». Таким образом, сопротивление ордынской власти представлено как поддерживаемое Богом.

В 1262 г. волнения фиксируются в Ростове и в целом ряде городов региона: Владимире, Суздале, Ярославле, Устюге. Как сообщает Лаврентьевская летопись, «ти оканьнии бессурмане» откупали дани и за долги продавали русских людей в рабство. Ордынские чиновники собирались увеличить размеры дани, ростовцы этому воспротивились. Крайне раздражало горожан и то, что ордынцы стали поддерживать христиан-отступников, принявших ислам и начавших бороться против христианской церкви. Так, гнев восставших был направлен против «окаянного лишеника» бывшего монаха Изосимы, который, согласно характеристике летописца, был носителем всевозможных греховных пороков и допустил поругание «крѣту и стѣмъ црква^м». Заострение внимания на отступнике коррелирует с идеологией всего рассказа, где явно прослеживается акцентуация противостояния христиан и их противников. Дважды утверждается, что избавление христиан от беды и томления происходит по Божией воле. С этих слов и начинается статья: «Избави Бѣ ѿ лютаго томленья бесурменьскаго. люди Ростовскія земля. вложи ярость въ срѣдци крѣянномъ...» — и далее: «видѣвше же члвколюбецъ Бѣ послуша моленья Мѣрна. избави люди своя ѿ великыя бѣды»⁶.

Летописи констатируют, что восстание было организовано вечером, князья не упоминаются, но Устюжский летописец в известии этого года говорит о некоей княжеской грамоте, которая подавала

³ Дж. Феннел утверждал, что этот текст в Лаврентьевской летописи — результат не очень искусной компиляции нескольких различных источников («the compiler of this entry was using — and not particularly skilfully — several different sources» [Fennel, p. 53]). Но данный повтор — единственный пример, который может быть приведен в пользу такого утверждения.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 82.

⁵ Там же.

⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 476.

сигнал к восстанию: «и прииде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что Татар бити»⁷. Хотя это сообщение содержится в Устюжском летописце в рамках предания о любви ясашика Буги и «крестьянской девицы», что привело к переходу татарина на сторону русских и принятию им крещения, эти припоминания могли иметь под собой некую реальную основу. Учитывая, что восстания вспыхнули сразу в нескольких городах, едва ли можно думать об их спонтанности. Историки отмечали, что участники акции рассчитывали использовать противоречия между монгольскими центрами — имперским Каракорумом и ханским Сараем. Восставшие предполагали, что изгнание чиновников великого хана Хубилая вызовет спокойную реакцию его соперника Берке. Сам по себе такой расчет означает запланированность восстаний и, стало быть, участие в них князя, который обладал как необходимой информацией о делах монголов, так и ресурсами для координации действий. Акция представлена как победоносная: откупщиков изгнали, «иныхъ избиша».

Под 1289 г. в Московско-Академической летописи имеется краткое сообщение о том, что в Ростове изгнали татар (снова вечем) и ограбили их, когда на стол сел Дмитрий Борисович: «сяде Дмитрии Борисовичъ Ростовѣ. Тогда же бѣ много Татар в Ростовѣ. И изгнаша их вѣчѣм, и ограбиша их. Того же лѣта кнѣзь Костантинъ иде въ Wr^л8...»⁸. По-видимому, ростовцы следили за конфронтацией между Ногаем и сарайскими ханами. При этом одновременно шла борьба между князьями, ориентировавшимися на разные силы в Орде. В частности, Дмитрий Борисович, владевший Угличем, отнял ростовский стол у своего младшего брата Константина Борисовича. Были ли эти многочисленные татары сторонниками Ногая или Телебуги — вопрос не совсем ясный, но очевидно, что горожане воспользовались шаткостью ситуации и изгнали пришедший татарский отряд. При этом, имея опыт восстания 1262 г., которое осталось безнаказанным, они, как можно предположить, и в этот раз были уверены в том, что карательной экспедиции не последует. Разумеется, это делалось, в первую очередь, по инициативе князя Дмитрия Борисовича [Кучкин, с. 126—127]. Известно, что после этих событий Константин Борисович поехал в Орду. Если предполагать, что целью было — жаловаться на брата, то успеха поездки не принесла. О последствиях восстания 1289 г. в летописях ничего не говорится.

Так или иначе, очевидно, что восстания 1262 и 1289 г. в Ростове и других городах совпадали с моментами нестроений в Орде.

Лишь отчасти к акциям неповиновения можно отнести курские события 1289—1290 г., связанные с баскаком Ахматом. Здесь то один, то другой князь отказываются ехать к ханам, но при этом они не столько противостоят им, сколько, с одной стороны, стремятся получить какую-то выгоду, используя противоречия Ногая и Телеуги, с другой — попросту пытаются переждать острые моменты. Нападение же Святослава Липовичского на Ахматовых братьев и летописцем, и Олегом (Рыльским и Воргольским) названо разбойным. И хотя Святослав говорит о братьях Ахмата как будто бы знаковые слова: «то бо су^т мои ворози»⁹, вражда русских князей — как с татарами, так и между собой — скорее носит в этой истории личный характер, нежели представляет собой противостояние русских и монгол.

Глухо в Лаврентьевской летописи сказано о восстании 1320 г.: «того же лѣта быша зли Татаровѣ в Ростовѣ. и собравшеса людіе изгониша и^х из града»¹⁰. Сходный текст читается и в Летописи Авраамки¹¹. А. Н. Насонов высказывал мысль, что Ахмылова рать, пришедшая на Русь через два года, и была карательной экспедицией, вызванной этой акцией [Насонов, с. 107—108]. Однако в таком случае реакция Орды на восстание выглядит слишком запоздалой.

⁷ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 70.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526.

⁹ Там же. Стб. 482.

¹⁰ Там же. Стб. 530.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 62.

Известно, что в Орде были казнены князья: Михаил Всеволодович Черниговский, Андрей Мстиславич Рыльский, Дмитрий Михайлович Тверской и др. Был отравлен монголами Ярослав Всеволодович, такие же планы вынашивались относительно Александра Невского. В одних случаях письменные источники дают подробные рассказы о гибели князей, в других глухие сообщения. Тем не менее, суммируя такую информацию, можно понять, что, хотя поступки этих князей, как правило, не были связаны с организацией вооруженного сопротивления ордынской власти, политический потенциал и ресурсы, которыми они обладали, вызывали у иноземных правителей такие опасения.

Наконец, в 1327 г. произошло антиордынское восстание в Тверском княжестве, в ходе которого против татар действовали и горожане, и князь с вооруженной дружиной. Летописные свидетельства того, что акции имели место в разных городах княжества, бегство от карательной экспедиции всех членов княжеского дома позволяют делать вывод о том, что восстание планировалось [Конявская, с. 229–230]. Однако, в отличие от вышерассмотренных ситуаций в Ростове, нестроений в Орде в это время не было, положение хана Узбека было стабильным, и при всем обилии источников остается неясным, на что могли рассчитывать в Твери, если это была не спонтанная вспышка, а планируемая акция.

В этом отношении восстание по-разному трактовалось уже в ранней историографии.

Первый исследователь древней Твери историк-любитель Д. И. Карманов поступок тверских князей расценивал как геройский, который в «другое время был бы великой похвалы достоин, а теперь он имел пагубные следствия как для Тверской области, так и для князя Александра Михайловича» [Карманов, с. 68]. Примерно в том же ключе писал о князе Александре Н. М. Карамзин: «он единственно из-за своей юности и по своему легкомыслию призывал тверитян восстать против татар» [Карамзин, с. 203–204]. С. М. Соловьев также полагал, что князь «необдуманно поступком погубил себя и все княжество свое» [Соловьев, стб. 918]. В. С. Борзаковский не учитывал информацию одной из летописных версий событий и считал восстание исключительно народным [Борзаковский, с. 124–128]. Не рассматривалась всерьез роль князя в событиях 1327 г. и в советской историографии, тем более вопрос мотивации — можно сказать, ментальный и психологический аспекты.

Однако анализ всех источников о восстании дает возможность говорить о том, роль Александра Михайловича в этих событиях не может быть сведена к тезису «поддержал восстание». Его надо считать непосредственным организатором акции. По-видимому, поведение Чолхана вызывало реальные опасения, что он, сместив князя, собирается стать правителем Твери. А. А. Горским убедительно показано, что опасения относительно установления прямого правления Орды, оккупации, жили среди русских в течение длительного периода [Горский, 2014]. Не случайно различные, не зависимые друг от друга источники (две Повести о Шевкале, Историческая песня о Щелкане) дают одну и ту же трактовку цели, которую преследовал Чолхан и Орда в целом, когда «сильный» посол отправлялся в Тверь. Согласно этим источникам, он идет на Русь, чтобы князя «избить», истребить христианство и самому сесть на княжение, то есть приход вооруженного отряда из Орды воспринимался как прямая угроза княжеской власти и перспектива прямой оккупации.

В Первой повести (тверских летописей) читаем: «за оумножение грѣх ради наших Богу попустившу диаволу възложити злаа въ сердца безбожным Татаром глаголати незаконному царю: “Аще не погубиши князя Александра и всѣх князии роусских, то не имаши власти над ними”. И незаконный и треклятый всему злу начальник Шевкаль, разоритель христианский, отверзъ сквернаа своя оуста, начат глаголати, диаволом оучимъ: “Господине царю, аще ми велиши, азъ идоу въ Роусь и разорю христианство, а князя ихъ избью, а княгини и дѣти к тебѣ приведу”».

И повелъ ему царь сътворити тако. Безаконныи же Шевкал, разоритель христианскыи, поиде въ Роусь съ многыми Татары и прииде на Тѣфѣрь и прогна князя великого съ двора его, а сам ста на князя великого дворѣ съ мноюю грѣдостью и яростю. И въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением и битием и поруганием»¹².

Во Второй повести, созданной в окружении Александра Михайловича в бытность его во Пскове, о делах Чол-хана говорится: «они наѣхали мноюю силою, велико насиле почаша творити, а князя Александра и братию его побити хотяще; а самъ хотѣ състи во Твери на княжение; а иная князья посажати по инѣмъ градомъ по руским, хотяще привести христианъ в бесъсерьменьскую вѣру»¹³.

И даже в Исторической песне о Щелкане Дюдентьевиче, сюжет которой весьма отличен от книжных нарративов, в начале обнаруживается сходство мотивов: Азвяк Таврулович одаривает шуринов русскими «городами стольными»: Плесом, Вологдой и Костромой. Щелкан просит Тверь¹⁴.

Изгнание князя из княжеского дворца и расположение там Чол-хана с приближенными, вызывающее поведение ордынцев могли выглядеть в глазах тверичей подтверждением правильности этих опасений. С другой стороны, у Александра Михайловича был пример его отца, великого князя Михаила Ярославича, одержавшего победу над татарским отрядом Кавгадыя. Пусть за этим последовала его трагическая гибель, сам факт сопротивления, безусловно, психологически много значил.

Таким образом, можно заключить, что надежда освободиться от иноземного владычества, стремление воспользоваться шаткой ситуацией, противоречиями во взаимоотношениях ханов владели русскими людьми и в XIII, и в XIV в. — задолго до объединенного выступления против войск Мамай.

Литература

- Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876.
- Горский А. А. Александр Невский — герой или коллаборационист? // Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. С. 41–61.
- Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.
- Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1842. Т. 4.
- Карманов Д. И. Собрание сочинений относящихся к истории тверского края. Тверь, 1893.
- Конявская Е. Л. Тверь в литературных памятниках периода независимости княжества: власть и народ // Славянский мир: общность и многообразие. Тверь, 2009. С. 227–236.
- Кучкин В. А. Ростовская семья Анны Кашинской // Тверские святые и святыни. Тверь, 2010. С. 120–130.
- Лаушкин А. В. Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 24–31.
- Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 211–224.
- Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1896. Кн. 1. Т. 3.
- Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII веков. М., 1955.
- Храпачевский Р. П. Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. М., 2013. С. 264–268.
- Fennel J. Andrej Jaroslavič and the Struggle for Power in 1252: an Investigation of the Sources // Russia Mediaevalis. München, 1973. V. 1. P. 49–63.

¹² ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 45.

¹³ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 16.

¹⁴ См.: Щелкан // Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М., 2001. С. 48–51.